

29 июля 1982 года

«КОММУНИСТ ТАДЖИКИСТАНА»

ЗАМЕТКИ
КРИТИКА

КНИГА, ОТКРЫВШАЯ СОВЕТСКИЙ ТАДЖИКИСТАН

«Сталинабадский архив» Б. Лапина и З. Хацревина, который, по меткому определению одного из критиков, был менее всего архивом, вышел одновременно с первой частью романа Бруно Ясенского «Человек меняет кожу». В этих двух творениях истинных искателей нового в жизни и литературе Таджикистан впервые в русской литературе предстал в стремительном развитии. Советский Восток показан здесь в его могучем, поступательном движении. Притом он был нарисован художниками совершенно различно — и по биографии, и по творческой манере и по жанру. Это было не просто открытие Советского Таджикистана, но и открытие нового Востока людьми, близкими ему, не какими-нибудь заветными гостроперами, а его приверженцами, энтузиастами, знатоками, пропагандистами в самом высоком значении этого слова.

Особое впечатление на читателей произвела поэзия «Сталинабадского архива» — как оригинальная, написанная на основе фольклора, так и переводная, познававшая мир с рядом выдающихся таджикских поэтов, зачинателей современной литературы.

Рассказы о новой жизни Таджикистана, очерк о пребывании авторов в красной чайхане и на литературном вече-

ре в техникуме, отрывки из дневников, разговоры с различными представителями населения, вдохновенные и красочные стихотворения авторов, приписанные вымышленным народным поэтам, казалось бы, сухие, но такие важные справки о реальных таджикских писателях переводы их стихотворений, выдержки из повести Айни «Одина», описание номера таджикской комсомольской газеты — таково некоторые элементы «Сталинабадского архива». Даже теперь эта книга, несмотря на кажущуюся мозаику, производит впечатление целостности, так умело уложены в это художественное здание отдельные его, пусть и разноцветные кирпичики.

Вспомним заповку к «Сталинабадскому архиву», в которой через восприятие вымышленного поэта-памирца передаются гордость и радость самих авторов в связи с преображением отсталого и косного ранее Востока в мир социализма:

И Самарканд, и Кандагар
— я видел,
И сон пустыни, и базар
— я видел,
И треть Мухамедова мира
— я видел,
И снег высокого Памира
— видел.
Копал каналы
и лепил кувшины,

На спину гор
я втаскивал хурджины,
И по тропе,
хромая к перевалу,
Я доходил
до каменной вершины.
Но никогда
такого чуда я не видел,
Как Дюшамбинская
железная дорога.

«Песни удивления», приписанные персонажам книги — долинным, а в особенности горным таджикам, так удались Б. Лапину и З. Хацревину потому, что и они вместе с народом разделяли своеобразное удивление, восхищение и энтузиазм по отношению к тому, что происходит, обнаружили удивительную свежесть восприятия, некичность постижения яви и при этом романтичность и эмоциональность отношения к житейскому материалу. Стоит вспомнить хотя бы концовку стихотворения «Кем бы я хотел стать», отражающую аромат молодой таджикской поэзии и приписанную памирцу Мунаввар-Шо:

Агрономом и врачом
я хотел бы стать,
Деревенским избачом
я хотел бы стать.
Тем, кто взроет старый мир
словом Ильича,
Как крестьянским орачом,
я хотел бы стать.
И народным комиссаром
я хотел бы стать.

При чтении «Сталинабадского архива» ощущаешь сопричастность авторов с описываемым, изучаемым миром, духовную близость к героям книги. Уже тогда критики отметили, что «Революционные похороны в Сталинабаде» — одно из лучших ее стихотворений. Повествование в нем ведется от имени «пожилого колхозника из Гиссарского района». Идя по Сталинабаду — «вчерашнему кишлаку», который ныне кипит «людьми, пролетками, стуком», рассказчик выходит на площадь, где похоронен его старинный друг, знакомый ему по работе в горном районе, — Рахим из Кон-и-Бодома, «партиец и политрук». Рассказ поэта постепенно превращается в рекем герою, более того — в прославление великого дела, за которое и погиб отважный канибадамец Рахимджан. Перед нами образец гражданской, политической лирики, новый жанр, молодое, крепкое вино, рождающееся в преобразуемых жизнью и литературой старых мехах. Стих «Революционных похорон в Сталинабаде» энергичен, упруг, мускулист, несет в себе заряд мажорности:

Руки Рахим-джана
Навек прижаты к груди,
Но дело Рахим-джана
Звездой горит впереди.
Зубы Рахим-джана

Крошатся в раскрытый рот,
Но песня Рахим-джана
Зовет нас в новый поход.
Имя Рахим-джана
Сотрется, как край горы.
Но слава Рахим-джана
Гремит, шатая миры...

Борис Лапин и Захар Хацревин открыли для русского, а затем и для мирового читателя творчество зачинателей таджикской советской поэзии. Сделали они это не одни, у них были соратники, но впервые так широко молодая поэзия Советского Таджикистана предстала именно в «Сталинабадском архиве».

Не только отрывки из «Одины», но и стихотворения Айни «На смерть моего брата Хаджи Сироджиддина» и «Красный обоз» были помещены здесь. В переводах советских поэтов были также представлены стихотворения Лахути «Английская колония в Африке» и «О классах, о страсти и о борьбе» («Шейх сказал: две истины борются в небе»), Пайрава Сулаймони — «От незаметного и скромного таджика советских гор — тебе, английская империя» и «Два похода», Сухайли — «Народ увидел цветущую страну» («Вглядитесь внимательным глазом в лицо таджикского мира») и «Годовщина моей страны» («Ты слышишь эти крики, Таджикистан!»). Среди других поэтических произведений сле-

дует назвать опубликованное в обзоре газеты «Комсомоли Таджикистон» стихотворение М. Миршакара «Эй, дехкан и маркидор». К нему добавлены строки: «Мы узнали об авторе следующее — ему 17 лет, он шуганец — уроженец Памира, комсомолец, его имя довольно часто в последний год появляется в газетах». Так авторы этой книги, в очередной раз проявив проницательность и вкус, открыли 50 лет назад для русских читателей начинающего литератора, который впоследствии стал народным поэтом Таджикистана и обогатил поэзию не только республики, но и всей страны.

Не все в «Сталинабадском архиве» выдержало испытание временем. Однако поэтическая часть книги сохранила свое значение и интерес для наших современников. В книге американского литературоведа и публициста Джозуа Кюница «Заря над Самаркандом» («Возрождение Средней Азии») (1934), посетившего Таджикистан в 1931 году в составе бригады революционных писателей Запада, возглавляемой Бруно Ясенским и прибывшего к нам снова через пару лет, помещены различные материалы из «Сталинабадского архива». В их числе переводы стихотворений С. Айни, А. Лахути и других таджикских поэтов, сделанные с

переводов Б. Лапина и З. Хацревина, а также собственные стихотворения этих русских поэтов, включенные ими в «Сталинабадский архив». Дж. Кюница принадлежит прозаическая часть этой внушительной по объему книги, едва ли не половину которой составляет повествование о старом и новом Таджикистане. Стихотворные же переводы в «Заре над Самаркандом» сделаны известным американским негритянским поэтом Ленгстоном Хьюзом.

Хотя переводы в «Сталинабадском архиве» были вольными, соавторам удалось передать характер новой таджикской поэзии, своеобразие трибунной, ораторской поэзии Лахути и Пайрава Сулаймони, гражданственность лирики Айни и Сухайли, сохранить их восточный колорит.

Оригинальная поэзия этой книги пришла к современному читателю в сборнике Б. Лапина и З. Хацревина «Только стихи», составленном и изданном в 1976 году их другом и соратником Константином Симоновым.

Полвека «Сталинабадского архива» — это 50 лет деятельности жизни превосходной поэзии и переводов, принадлежащих литературным разведкам и искателям.

Я. ГОРДОН.